

С Л О В О

ПАВЕЛ КУХАРЕНКО

Павел Кухаренко

Слово

<https://litres.ru/74268587>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это накрыло мир как волна — разом и целиком. Не война, не вирус, не эпидемия: из людей просто ушло что-то, чему нет имени, то самое, что делало их людьми. Они не мертвы — они пусты. Стоят с белёсыми, глядящими в никуда глазами и бросаются на любой звук, на любое движение — без злобы, без цели, как сработавший механизм.

Он — среди немногих, кто ещё помнит себя. И держится за единственное, чего волна пока не забрала, — за слово. Пока звучит слово, человек ещё есть.

Тихая, беспощадная притча о конце, который приходит не с грохотом, а с молчанием. И чем дольше он вглядывается в происходящее, тем яснее понимает: это не катастрофа и не гибель мира. Это что-то несоизмеримо большее. И оно только начинается.

Содержание

ПРОЛОГ.	4
ГЛАВА 1.	6
ГЛАВА 2.	11
ГЛАВА 3.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Павел Кухаренко

Слово

ПРОЛОГ.

.-- .-

В начале было Слово.

И Слово не было ни звуком, ни мыслью, но было перво-родной дрожью, в которой затаилась мера всех будущих вещей. Оно предшествовало свету и тьме; и содрогалось бесформенное пространство от первого касания Его, ибо пробудилась пустота от сна вечного.

И восстали в юности мироздания три великих исполина, безымянные и одинокие, каждый в своей стороне бездны бесконечной, не ведая о братьях своих. И пылали они яростью неукротимой рождения; и была жизнь их кратка, как вспышка молнии в ночи, но тяжела, как судьба неизбежная. И извергали они из недр своих вещество, и огонь, и металл; и стал прах их семенем миров бесчисленных.

Когда же исполнился срок их, и угасло пламя, сошлись они в смерти своей. И не было слов, дабы описать то, что свершилось во встрече той.

Ибо Слово, в них заключённое, излилось во все стороны

бытия, как поток неудержимый, не знающий преград. И содрогнулись основания мироздания от мощи Его, и облеклась пустота в закон строгий, и хаос принял первые очертания порядка. И шло Слово сквозь века и пространства, и всякая частица бытия принимала в себя долю Его, и всякое поле сил склонялось перед ритмом вибраций Его, как струны под рукой музыканта невидимого.

Но велико было пространство, безмерно и холодно. И проходя сквозь бездны его и пустоты, теряло Слово силу первозданную свою. Уже не громом небесным звучало оно, но гласом трубным протяжным — неумолимым, глубоким, проникающим в самую суть материи. И не сможет укрыться от него ни одно существо, ни один атом, когда придёт час его, ибо ритм его был сильнее времени, сильнее света, сильнее забвения.

И были установлены законы изначальные. И воздвиглись основы мироздания.

И настал час.

ГЛАВА 1.

- - . -

Он проснулся не от звука, а от чудовищного давления. Череп сдавило так, будто его зажали в холодные железные тиски. Уши заложило настолько плотно, что он не мог пошевелиться. Тишина давила на барабанные перепонки, тяжёлая, приковывая его к матрасу.

Это не был внешний шум. Это была дрожь, зародившаяся в самой сердцевине мозга, в стволе, где дремлют древнейшие инстинкты. Дрожь, раздирающая мысли на мелкие, бессвязные клочья. Воздух в спальне мгновенно изменил плотность. Стал густым, тёмно-красным.

Горло вывернуло криком, который не имел источника. Он не слышал этого крика ушами — он был им. Он был растворён в этой вибрации, его молекулы вибрировали в унисон с чем-то чудовищно огромным, проходящим сквозь планету.

И внезапно всё оборвалось.

Тишина ударила сильнее, чем грохот. Она была абсолютной, вакуумной, выжигающей.

Он лежал на спине и не чувствовал тела — ни рук, ни ног, только липкую, свинцовую тяжесть в груди. Комната медленно проступала из мрака, как фотография в проявителе: знакомые, теперь чужие углы стен, смутный силуэт кровати, за-

пах вчерашнего ужина, который ещё не выветрился.

Но тишина была другой.

Он попытался пошевелить пальцами. Они ответили с задержкой в несколько секунд, словно сигнал от мозга шёл через повреждённый кабель. Он сполз с кровати на пол. Прохлада пола впилась в кожу — острая, жгучая реальность, единственный якорь, удерживающий его в этом мире.

Телефон на тумбочке казался последним осколком нормальности. Он взял его дрожащей рукой. Экран осветил темноту. Время: 03:17. Сети не было. Только мёртвая иконка поиска.

По привычке большой палец дошёл до иконки новостей. Мышечная память сработала раньше понимания. Он опустил телефон.

Поднялся, опираясь на край кровати. Ноги едва держали, подгибаясь под весом тела, отвыкшего от вертикали. Коридор встретил его гулкими шагами: каждый шаг его босой стопы отдавался в пустоте квартиры, как удар молотка по натянутому барабану.

Кухня позади тонула в плотной тьме. За окном — не город огней, не серый пейзаж спального района. Чернота, поглотившая улицы, машины, жизни.

Он замер в дверном проёме, вслушиваясь в эту пустоту. И вдруг, повинувшись какому-то животному, первобытному импульсу, повернул голову к залу.

Там стояла фигура.

Она стояла посреди комнаты, спиной к окну, из-за чего её контуры расплывались в полумраке. Руки раскинуты в стороны, ладони раскрыты, как в древнем, забытом распятии. Голова запрокинута к потолку, которого не видно. Из слегка приоткрытого рта вырывалось глухое шипение. Ровное. Механическое. Лишённое всякой человеческой дрожи, всякой эмоции, всякого намерения.

Глаза смотрели вверх, но не видели. Они были белёсыми, как высохшая кость. В них не было зрачков. Или зрачки расширились до предела, слившись с белком.

Осознание обрушилось тяжелее любого удара. Тяжелее той дрожи несколько минут назад. Это была она. Жена. Лицо, которое он целовал утром, когда она ворчала, что он опять не вынес мусор. Родинка у левого виска. Лёгкая припухлость под глазами от недосыпа.

Он сделал шаг ближе. И замер.

Позвал её. Не имя — просто звук, вышедший из горла. Потом ещё раз, громче. Ничего.

Потянулся и взял её за плечо. Она не отреагировала на прикосновение. Качнулась немного — и замерла снова. Тепло кожи было на месте. Плечо было настоящим. Ничего другого не было.

Телефон. Он выхватил его из кармана, набрал 112. Один длинный гудок — два — мёртвая тишина. Снова. То же самое. Он попробовал ещё раз, уже понимая, что это бессмысленно.

Шагнул к окну. Светофоры работали. Фонари горели. Но то, что двигалось по улице вниз, двигалось неправильно. Фигура у подъезда стояла лицом к стене. Другая шла по дуге и не реагировала на машину, которая медленно ехала в бордюр, похоже, без водителя. Из окна напротив — свет, и в этом свете такая же фигура с такими же раскинутыми руками.

Тело поняло раньше сознания — выбросило в кровь что-то тяжёлое и ледяное. Это не она одна. Это везде.

Он обернулся.

Видел, как слегка поднимается и опускается грудная клетка. Мышцы шеи сокращаются, удерживая голову в неестественном положении. Дыхание тёплое. Но внутри — пустота абсолютная.

Ни страха. Ни боли. Ни памяти. Ни любви.

Он произнёс её имя. Слово вышло почти беззвучно — не криком и не вопросом, а последней попыткой дотянуться до той, кого уже не было.

Белые глаза скользнули по его лицу. Не задержались. Зафиксировали источник звука — и снова уставились в точку за его плечом. Ни узнавания. Ни отклика. Ничего.

Плоть, забытая богом.

Из её горла поднялось рычание. Низкое, утробное, звериное. Оно не было направлено на него. Оно было просто звуком, который издавал механизм, работающий на холостом ходу.

Она медленно, с пугающей плавностью, опустила голову. Белёные глаза сфокусировались на нём. Не с узнаванием. С фиксацией цели. Как камера слежения, наведшая объектив на движение в кадре.

Её плечи напряглись. Колени слегка согнулись.

Где-то сбоку — тёмный экран выключенного телевизора. Там отражался человек — совершенно незнакомый. В нём он с трудом узнал себя.

ГЛАВА 2.

-... . --. ... - ...- ---

Она шагнула.

Это было не движение человека, знающего, куда он идёт. Это был рывок — неловкий, но пугающе быстрый, как отпущенная пружина. Без разбега, без подготовки мышц, только грубый, мгновенный выброс силы.

Тело снова взвелось перед броском. Лицо оставалось пустым. Черты знакомые, всё на месте. Но глаза — белые, без зрачков — фиксировали его не как мужа, а как цель в пространстве. Препятствие. Добычу.

Он попятился, споткнулся бедром о край кухонного стола. Ещё шаг в сторону, к выходу. Нож, который он вчера использовал, чтобы резать хлеб, лежал на столе. От его неловкого движения он звякнул о керамическую подставку и с глухим, тяжёлым ударом упал на линолеум.

Её внимание мгновенно, с холодной точностью, переключилось на звук. Одной рукой она попыталась схватить воздух, пальцы свело в негнущиеся когти, другой — с размаху цапнула по полу, оставляя на линолеуме бледные ломаные следы. И замерла.

Он рванул в сторону входной двери, не оглядываясь. Тьма лестничной клетки обняла его, как давний враг, — густая,

пропитанная запахом сырости, пыли и чего-то сладковатого, животного. Запаха, который он не мог идентифицировать, но от которого желудок скрутило в тугой узел.

Снизу уже доносились звуки. Тяжёлые, шаркающие шаги. Хруст битого стекла под чьими-то подошвами. И глухое, утробное рычание, которое не исходило из гортани, а вибрировало в грудной клетке, расползаясь вверх по бетонным пролётам, как удушливый туман. Лязгнула металлическая дверь подъезда на первом этаже. Волна глухих, ритмичных ударов прокатилась по ступеням, заставляя вибрировать холодные металлические перила под его ладонью.

Они уже поднимались.

Разворот. Наверх. Третий этаж.

Сердце колотилось где-то в горле, гнало кровь так, что пульсировали виски и звенело в ушах. Босые ступни скользили по холодному бетону, сдирая кожу, но мозг блокировал боль, заливая её адреналином.

Четвёртый этаж.

Его квартира осталась позади, но возвращаться — значило встретить тех, кто шёл снизу, тех, кто уже заполнил лестничную клетку запахом тёплого, прерывистого дыхания.

Выше.

Окно на лестничной клетке между четвёртым и пятым этажами было распахнуто настежь, впуская ледяной ночной воздух, пахнущий озоном, гарью и сигаретным дымом чьей-то прерванной жизни. Он высунулся в проём, хватая ртом

холод, обжигающий лёгкие, пытаюсь унять пожар в груди.

Улица внизу жила уродливой, бессмысленной жизнью. Фигуры шатались без цели, сталкивались плечами, падали на асфальт и, спустя несколько секунд, поднимались с тупой, неумолимой настойчивостью, игнорируя вывихи, ссадины и неестественные изломы конечностей. Разбитая машина вда-ли, на перекрёстке, ещё мигала фарами, выхватывая из темноты серые силуэты. И каждый раз, когда свет вспыхивал, головы поворачивались почти синхронно, словно подчиня-ясь невидимому, безжалостному дирижёру.

Кто-то тащил по асфальту обломок дорожного знака, ца-рапая металл о камень с монотонным скрежетом. Кто-то ме-тодично, раз за разом, бился лбом в закрытую стеклянную дверь магазина. Внизу, под самым окном, на бордюре лежа-ло тело в неестественно вывернутой позе, и никто не обра-щал на него внимания.

Город, ещё вчера полный голосов, гудков, музыки и жиз-ни, теперь звучал как огромный, больной организм, у кото-рого вырвали сознание, оставив только желудок и мышцы.

В этот момент из темноты коридора квартиры на площад-ку четвёртого этажа выскочила соседка. Босая, в тонкой ноч-ной рубашке, развевающейся на сквозняке, руки раскинуты в стороны, как у лунатика. Белёсые глаза зафиксировали его мгновенно. Из её горла вырвался тяжёлый, утробный звук — не крик, а резонанс, физический сигнал, вибрация которого ударила ему прямо в зубы, заставив челюсти непроизвольно

сжаться.

Этот звук подхватили другие. Снизу, с пролётов, шаги ускорились. Рычание накатило волной, заполняя всё пространство лестничной клетки. Первобытный ужас ударил в позвоночник раскалённой иглой, парализуя мышцы на долю секунды.

Он рванул наверх — три ступеньки разом — к вертикальной лестнице, ведущей к люку на чердак. Ладони обожгло холодным, шершавым железом. Люк был приоткрыт. Чердак встретил его запахом вековой пыли, сухой гнили и мышиного помёта.

Он захлопнул за собой люк, проскочил тесную надстройку и вывалился через тяжёлую дверь на шершавый бетон крыши. За спиной, из-под люка, полз скрежет: ногти царапали металл, рычание просачивалось сквозь щели — многоголосое, отчётливое. Крышу хлестал ледяной ветер. Холод бетона впился в босые ступни, как тысячи мелких игл. Боль была единственным якорем реальности.

Он выхватил телефон. 03:26. Прошло всего девять минут. Девять минут. За это время пилоты замерли в кабинах, их руки безжизненно свисали со штурвалов. Хирурги застыли над открытыми грудными клетками пациентов. Диспетчеры у экранов превратились в статуи. Самолёты уже падали где-то за горизонтом, беззвучные на этой высоте. Поезда сходили с рельсов, вгрызаясь в бетон и землю. Города теряли управление. Каскад разрушений, запущенный одной невиди-

мой волной.

Он медленно подошёл к краю парапета. Ветер трепал его одежду, но он почти не чувствовал холода. Сырой и тяжёлый, он нёс запах остывающего асфальта.

Перед ним раскинулся город. Огромный, подавляющий своим масштабом. Миллионы окон, и лишь в единицах горел свет. Остальные были чёрными, пустыми глазницами. Он видел, как по артериям магистралей тянутся медленные, серые потоки фигур. Сотни. Тысячи. Масштаб катастрофы обрушился на него не звуком, а визуальной тяжестью.

Он был песчинкой на краю бездонной чаши, наполнявшейся мёртвой водой. Ощущение собственной ничтожности было таким физически осязаемым, что у него подкосились колени.

Весь его мир, все его планы, ипотека, карьера, любовь — всё это сжалось до размеров этой крыши и схлопнулось в одну точку абсолютной, леденящей безысходности.

Дверь надстройки качнулась. Пальцы с белыми, обломанными ногтями вцепились в косяк. Первая фигура выступила на крышу: соседка. За ней потянулись другие. Они не бежали, не суеились, не проявляли ярости. Они просто двигались вперёд, на звук его прерывистого дыхания, на тепло его тела, на само его присутствие в этом пространстве. Белые глаза поворачивались медленно, синхронно, рычание сливалось в давящий фон.

Он отступил к противоположному краю крыши, обегая

чердачную надстройку. Бетон зазвучал глухими ударами их подошв — не слаженно, но с пугающей настойчивостью. У той же двери он скользнул обратно в темноту, плотно закрыв её за собой изнутри. Секунд через десять послышался скрежет ногтей снаружи, шуршание одежды о металл. Они потеряли точный след, но не ушли. Они ждали у двери.

Дышать было нечем. Воздух в лёгких превратился в битое стекло. Он должен был двигаться.

В темноте надстройки он метнулся к люку и спустился, почти соскользнув, — ладони снова обожгло ржавым железом. Внизу, на площадке пятого этажа, шаги. Слишком близко. Тяжёлое, влажное дыхание почти за спиной.

Решение родилось мгновенно, как рефлекс, отключая логику и оставляя только чистую, животную волю к движению. Он перемахнул через перила.

Падение с пятого на четвёртый этаж вышибло воздух из лёгких. Мир на секунду стал чёрно-белым и беззвучным. Он сумел сгруппироваться в полёте, ноги встретили бетон последней ступени. Удар отдался в коленях и тазу глухой болью, в глазах потемнело. Позвоночник свело, но он не упал. Ноги выдержали, погасив инерцию.

Он вскочил, преодолевая боль в пояснице, и побежал вниз: четвёртый, третий, второй — его дверь.

Влетел внутрь, рванул тяжёлую металлическую дверь на себя и захлопнул изо всех сил. Полотно ударилось о коробку слишком сильно, с грохотом, от которого заложило уши.

Замок не попал в паз. Осталась щель в сантиметр.

В коридоре, в двух шагах от него, стояла она.

Не там, где он её оставил. Ближе к входу. Она развернулась. Голова наклонена под неестественным углом — среагировала на грохот двери.

— Нет, — слово прозвучало глухо, бесполезно, вырвавшись из пересохшего, сжатого спазмом горла.

Он дёрнул дверь ещё раз, дожал всем весом тела, чувствуя, как напрягаются мышцы спины. Щелчок. Замок вошёл в паз.

Она шагнула вперёд. Точно. Без спешки. Без колебания. Бросок.

Инстинкт сработал раньше мысли: он резко ушёл в сторону, плечо с глухим стуком ударилось о стену прихожей. Её руки сомкнулись в пустоте, но тело развернулось мгновенно, с нечеловеческой скоростью.

Он отступил на кухню, споткнулся, ногой задел нож, который так и остался лежать на полу с момента их первой встречи. Рывком, на ощупь, поднял его. Металл лёг в ладонь — тяжёлый, холодный, липкий от пота.

Она вошла следом. Лицо знакомое до боли: родинка у виска, тень длинных ресниц на бледной коже. Но без внутреннего света. Это была не его жена. Это была маска, натянутая на биологический механизм.

Шаг. Ещё шаг. Бросок.

Он ударил навстречу. Сделал рывок, выставив руку с но-

жом вперёд, рефлекторно закрывая второй рукой лицо. Лезвие вошло под рёбра слишком легко. Сначала лёгкое сопротивление ткани, затем мягкая, пугающая податливость тёплой плоти.

Тепло хлынуло на пальцы, густое и горячее.

Она не закричала. Из горла вырвался хриплый, оборванный звук, похожий на сдувающиеся, дырявые меха. Её пальцы вцепились в его правое плечо — ногти разорвали ткань, впились в кожу, оставляя горящие полосы. Она давила вперёд, всем весом, даже с ножом внутри, игнорируя разрушение собственных органов. Зубы с резким, влажным щелчком сомкнулись в сантиметре от его лица, горячее, ровное дыхание обдало его щёку.

Он выдернул лезвие с тошнотворным, хлюпающим звуком и ударил снова. В шею. В грудь. Наугад. Пока тело не ослабло, пока не перестало давить, пока не осело на кафельный пол с тяжёлым шлепком.

Глаза открыты. Белые. Пустые.

Нет боли. Нет обиды. Ничего.

Он стоял над ней, тяжело, судорожно дыша, глотая воздух, пахнувший медью и озоном. Кровь с ножа медленно, ритмично капала на плитку. Кап. Кап. Кап.

Снаружи, по лестнице, прокатился шум: кто-то с силой ударил в чью-то дверь. Тело на полу дёрнулось в последний раз.

Руки дрожали так сильно, что он едва удерживал нож.

Мысль пришла медленно, пробиваясь сквозь густой туман адреналина, жёстко и ясно: он только что убил свою жену. Но её не стало раньше. Задолго до этого удара.

Он опустился на колени рядом с ней. Не потому, что решил — ноги не удержали.

Потянулся и коснулся её щеки. Ещё тёплой. Всё то же самое. И одновременно ничего.

Он произнёс её имя — не ожидая ответа. Просто потому, что больше никому было его говорить. Слово упало в тишину и не вернулось.

Слёзы пришли без всхлипов, без предупреждения — просто потекли. Он не сразу заметил их, только когда они добрались до рта и принесли с собой привкус соли.

Он не пытался встать. Встать — значит начать делать что-то дальше. А зачем делать что-то дальше, он ещё не понял.

Снаружи снова ударили в дверь. Он не двигался.

В груди навалилось давление — плотное, тупое, как будто туда насыпали мокрого, тяжёлого песка. Мир сжался до размеров этой кухни, до лужи крови и до давящей тишины за дверью. Он сел на пол, упершись спиной в нижние шкафы кухонного гарнитура, и обхватил голову руками, упираясь лбом в колени.

Руки перед ним. Кровь. Он смотрел на них — и полсекунды они были просто руками в крови, без владельца. И сразу сознание вернуло их обратно. Его руки.

ГЛАВА 3.

--- ... --- ---.. -.- -.- ...

Он не понял, когда именно отключился. В какой-то момент обнаружил себя сидящим на холодном линолеуме кухонного пола. Спина была перекошена от неудобной позы, ноги занемели. В правой руке он до сих пор сжимал нож. Лезвие прилипло к ладони: засохшая кровь сработала как клей, стянув кожу жёсткой коркой.

Время вокруг распалось на провалы и обрывки, как склейки в испорченной, перемотанной киноплёнке. Не было ни «до», ни «после». Было только бесконечное, звенящее «сейчас». Голова гудела тупо и монотонно, словно внутри черепа, за глазами яблоками, кто-то методично бил в тяжёлый, обёрнутый ветошью колокол.

Первым вернулся свет.

Сначала это был не луч, а лишь медленное, вязкое разжигание тьмы за окном. Серый, болезненный оттенок, почти незаметный, но уже отличающий абсолютный мрак от пустоты. Потом контур дома напротив проступил из квадратного проёма окна, словно кто-то невидимый и бесконечно усталый медленно прорисовывал его тупым карандашом по мокрой бумаге. Свет становился плотнее, холоднее, настойчивее, пока, наконец, не лёг на грязный пол тонкой, матовой,

пыльной полосой. В этой полосе хаотично плясали пылинки, поднятые ночным сквозняком из щелей в раме. Обычные, бытовые пылинки. Они казались нелепыми, почти кощунственными на фоне того, что лежало в двух метрах от него.

Он зажмурился от острого раздражения. Этот свет казался чужеродным, враждебным в этой кухне, где воздух всё ещё был тяжёлым от запаха меди и ночной тишины. Но именно он, этот обычный, равнодушный утренний свет, впервые за ночь сказал ему простую, неоспоримую вещь: мир не закончился. Он изменился до неузнаваемости, стал уродливым, смердящим, безумным — но не перестал существовать.

Солнце взошло.

Сознание, до этого плавно и опасно качавшееся на самой грани обморока, начало с трудом собираться в кучку. Мысли перестали быть разрозненными, бьющими вспышками и потянулись в слабую, шаткую цепочку. Сначала простые: «холодно», «болит плечо», «надо разжать пальцы, надо отпустить нож». Потом сложнее: «вода», «одежда», «еда». И только потом — то, что он до этого старательно обходил, отодвигал на самый дальний, тёмный край сознания, боясь даже мысленно прикоснуться: «она».

Это не было яростью. Ярости нужен тот, кто злится, — а внутри уже никого не осталось. В ней сработало что-то древнее самого человека: рефлекс, который миллионы лет

поднимал спящего предка в темноте на любой шорох — насторожиться, собраться, ударить первым. Раньше над этим рефлексом стоял разум. Он разбирал звуки на опасные и неважные и придерживал руку: бей, но уцелей; а можешь — беги. Её разум исчез вместе со всеми. Остался голый рефлекс. Отделять угрозу от тишины стало некому, каждый звук превратился в угрозу. И ответ был один. Бей.

Мозг, годами раскладывавший чужие несчастья по графам — причина, ущерб, исключение, сумма выплаты, — сейчас давал сбой. Всю жизнь он помогал оформить чужую катастрофу так, чтобы её можно было обработать. Теперь наступила его собственная, и формы для неё не существовало.

Он с огромным трудом, через силу, разжал пальцы. Нож с чавкающим звуком отлип от кожи, упал рядом, глухо ударившись о линолеум. Кисть ломило, суставы не слушались, кожа на ладони горела. Он выпрямился, опираясь дрожащими руками о нижний шкаф кухонного гарнитура. Позвонки хрустнули сухо и громко, как старая, рассохшаяся деревянная лестница. Взгляд сам, против воли, потянулся к телу.

Она лежала там же, где он опустил её ночью. Лицо жены в утреннем, сером свете было почти обычным: знакомый, родной изгиб губ, мягкая линия подбородка, овал лица. Если не смотреть в глаза, можно было с огромным усилием воли притвориться, что она просто спит — очень тяжёлым, неподвижным сном.

Но глаза оставались открытыми. Белыми. Пустыми. Свет

не вызывал в них даже намёка на реакцию. Ни сужения зрачка, ни тени моргания. Только матовая, слепая поверхность, в которой ничего не отражалось.

Он вдруг с удивлением понял, что не плачет. Глаза были сухими, веки тяжёлыми, как свинцовые, но слёз не было. В груди было не острое, разрывающее горе, не истерика, а плотный, глухой ком, придавивший лёгкие. Он прислушался к себе. Реакций не было. Внутри — тихо, как в пустой комнате, где только что вынесли мебель.

Осталась только тотальная усталость и тупая, кристальная ясность. Апатия как последний, отчаянный защитный механизм психики, не выдержавшей запредельной нагрузки.

Телефон в кармане домашних штанов был тёплым от тела. Он вытащил его, глянул на экран. 08:12. Батарея 38%. Сети не было. Маленький перечёркнутый крестик в углу экрана висел как окончательный, не подлежащий обжалованию приговор. Ночь прошла. Удар произошёл около трёх. Значит, мир уже около пяти часов живёт без сознания. Где-то в этом городе, может быть, прямо сейчас, кто-то так же сидит на полу и смотрит на свои окровавленные руки. А может, он один. Эта мысль не принесла ни облегчения, ни утешения.

Он нажал на кнопку блокировки, и экран ожил. Пальцы сами, по старой, въевшейся в подкорку привычке, открыли галерею. Они вдвоём на кухне, неделю назад. Она смеётся, зажав глаза, держит в руках подгоревший блин. Она всегда жгла первый — говорила, что так нужно, что первый идёт

«на прогрев». Он никогда не понимал, откуда она это взяла. И никогда не спрашивал. Он стоит сзади, уткнувшись подбородком ей в макушку. В памяти живо всплыл её яркий образ, звук смеха, запах, тепло плеча под ладонью. Экран телефона казался порталом в другой мир, который был стёрт с лица земли. Он заблокировал экран, и комната снова погрузилась в серую реальность.

Поднялся, медленно, шаг за шагом, как после тяжёлой, изматывающей болезни. Ноги дрожали не только от пережитого ужаса, но и от банального физического изнеможения, от резкого падения уровня сахара в крови. Он сделал несколько шагов по кухне, словно заново примерялся к гравитации, проверяя, держит ли его пол. Стол. Раковина. Шкафчики. Всё знакомое, всё на своих местах — и абсолютно, невыносимо чужое.

Мысль пришла сухо и ясно, отсекая зарождавшуюся панику: «Мне нужно прожить хотя бы ещё один день».

Не «спасти». Не «понять». Не «вернуть назад». Прожить. Для этого нужна вода. Тёплая одежда. Обувь. Что-то, что режет и колет. Что-то, что может хоть немного продлить его статистическую ошибку в этом новом, жестоком распределении реальности. Он не знал, куда идти. Он не знал, есть ли вообще смысл идти. Но сидеть здесь, в одной квартире с тем, что осталось от его жизни, было физически невозможно.

Он налил воду из-под крана в стакан. Вода пока ещё шла — тонкой, немного ржавой, прерывающейся струйкой, сплё-

вывая воздух из труб. Насосные станции всё ещё работали по инерции, питаясь от резервных сетей, как умирающее сердце. Он выпил маленькими, осторожными глотками, стараясь не жадничать, хотя горло обжигало дикой жаждой. Холодная жидкость с лёгким привкусом хлора и железа вернула ощущения тела: язык, нёбо, гортань. Он всё ещё был внутри себя.

Из спальни он принёс джинсы, плотные шерстяные носки, кроссовки с жёстким, фиксирующим задником, свитер с высоким горлом. Каждый предмет казался частью прошлой жизни, музейным экспонатом, к которому прикасаются только в белых перчатках. Он одевался медленно, как человек, который не до конца уверен, что ему вообще стоит продолжать этот путь. Но руки делали своё дело сами, автономно. Застёгивали пуговицы, шнуровали ботинки. Он взял с пола кухонный нож, вытер лезвие о полотенце, оставляя на ткани бурый след, и сунул его в задний карман джинсов. Тяжёлая ручка давила в бедро при каждом шаге. Это было глупо, почти смехотворно против толпы, но эта тяжесть металла успокаивала, давая иллюзию контроля.

Он завязал правый ботинок первым. Потом левый. Так было всегда, с детства — сначала правый. Он не помнил, почему. Просто так было.

Прежде чем уйти, он позволил себе ещё раз посмотреть на неё.

— Прости, — сказал он тихо, впервые произнося вслух слово, обращённое к ней, а не к давящей пустоте в своей го-

лове. Голос прозвучал хрипло, но с грустью, словно чужой, чужими губами.

Он взял плед с дивана и накрыл её. Не потому, что верил, что ей холодно, и не из какого-то внезапного религиозного чувства. Просто он больше не мог выносить этих открытых, слепых глаз, этого немого, всеобъемлющего укора вселенной. Плед лёг мягкой, тяжёлой волной, спрятав знакомые контуры тела и лица, превратив её в безымянный, безжизненный холм ткани на кухонном полу. Кухня снова стала просто кухней. Местом, где готовят еду. А не моргом.

Только теперь он подошёл к окну и отдёрнул штору до конца.

Утро стояло бледное, как простыня в старой больнице. Небо было ровно-серым, без драматических, кинематографичных облаков и багровых отсветов Апокалипсиса, которых он видел бы в фильмах. Обычный, будничный городской день. Только без города. Без гудков машин, без далёких сирен, без криков детей.

Внизу, на улице, двигались фигуры. Много. Десятки. Они шатались, иногда сталкивались друг с другом, иногда падали на асфальт и, спустя несколько долгих секунд, снова поднимались, полностью игнорируя ушибы и вывихи. Движения были не хаотичными, а упорно, методично бессмысленными. Кто-то продолжал биться в закрытую металлическую дверь магазина, хотя пальцы уже оставили на металле кровавые полосы, а ногти сломались до мяса. Кто-то пытался

встать на недавно сломанную ногу, падал, ворочался и снова пытался встать. Женщина в лёгком халате стояла посреди проезжей части и смотрела в серое небо, мерно открывая и закрывая рот.

Никакой координации. Никакого крика. Только общий, низкочастотный фон звука — глухой, похожий на хриплое дыхание огромного, больного животного, разлётшегося на весь район. Шарканье сотен подошв по асфальту.

Он наблюдал за ними минуту, две, три. И чем дольше смотрел, тем меньше похожими на «зомби» из фильмов они становились. Это были тела. Полностью, физиологически живые. С работающими мышцами, связками, суставами. Только без свидетеля внутри. Организмы, оставленные без хозяина. Биологические машины, работающие на холостом ходу.

Где-то далеко, на самой границе слышимости, коротко, пронзительно взвизгнули тормоза и сразу оборвались оглушительным хрустом металла. Может быть, какой-то грузовик всё ещё продолжал свой путь по инерции, пока не врезался во что-то более твёрдое, чем его судьба.

Он оторвался от окна. Внутри уже набирал оборот сухой, безэмоциональный механизм мысли, заглушая страх чистой, холодной утилитарностью.

Вода. Одежда. Еда. Рюкзак. Укрытие. План распадался на каждом пункте.

Нам нужно — он остановился. Нет никакого «нам». Толь-

ко он. Произнёс это снова, мысленно: только он. Правильнее. Но в первый раз в жизни слово «нам» образовало пустоту позади себя.

Он не знал, что делать дальше. Выйти на улицу — значит идти к ним. Сидеть здесь — значит ждать, когда кончится вода или когда они начнут ломать двери, привлечённые звуком труб или запахом. Он стоял посреди кухни, сжимая виски ладонями, пытаясь нащупать хотя бы один правильный ход. Но правильных ходов не было. Был только перебор вариантов с летальным исходом.

Взрыв застал его не врасплох, а скорее в момент сосредоточенного, парализующего молчания, когда мозг отказывался выбирать между плохим и худшим.

Часы на телефоне показывали 12:03, когда воздух дрогнул второй раз за сутки — уже не внутри черепа, а снаружи. Глухой, тяжёлый, низкочастотный удар где-то в нескольких кварталах. Стёкла в окне задрожали мелкой, нервной дрожью, и одно лопнуло с коротким, обиженным треском, осыпав подоконник сверкающей алмазной крошкой. За ним последовал второй, более высокий звук, похожий на предсмертный крик разрываемого металла. Пауза. И затем — низкий, растягивающийся гул, уходящий вглубь улиц, как эхо огромного камня, катящегося по дну оврага. Ударная волна докатилась до их дома, заставив люстру на потолке тихо, жалобно зазвенеть.

Он не стал придумывать версий. Газ. Ночью десятки плит

остались открыты. Люди потеряли сознание прямо у конфорок, уронив ножи, уронив детей, уронив свою жизнь. Концентрация газа росла. Искры было достаточно — реле холодильника, щелчок выключателя света, остаточный заряд на контактах, статика от синтетической одежды. Один дом сложился, как картонная коробка. За ним, вероятно, по цепочке, рванул второй.

Через секунду донёсся рёв. Не человеческий. Не один голос. Многоголосый, нарастающий, возбуждённый гул — как если бы весь квартал одновременно вдохнул глубже, учуяв кровь. Это был звук стаи, почуявшей добычу.

Он снова шагнул к окну, прижимаясь к стене, чтобы не быть на виду.

Внизу фигуры, ещё секунду назад шатавшиеся в разных направлениях, резко, как по команде, изменили траекторию. Головы повернулись почти синхронно, словно по сигналу невидимого, безжалостного дирижёра. Тела ускорились. Бег вышел рваным, неуклюжим, но быстрым. Из подъездов вываливались новые. С лестниц, из дворов, из арок — всё, что ещё могло двигаться, потянулось туда, где только что умер ещё один дом. На тепло. На разрушение. На изменения в среде.

Шум пошёл волной по улицам. Интенсивный стимул перекрыв всё остальное. Хаос сменился жуткой, однонаправленной целью.

Он смотрел, как поток тел стягивается к густому, чёр-

ному столбу дыма, поднимающемуся над крышами. Улица буквально потекла в одну сторону, как река, которая вдруг вспомнила своё русло. Асфальт исчез под серой, колышущейся, шуршащей массой.

Мозг щёлкнул. Пазл сложился. Страх отступил, оставив после себя холодный, расчётливый вакуум.

Шанс.

Окно в пятнадцать минут. Ровно пятнадцать минут, пока дворы и периметр дома не опустеют, стянутые к эпицентру пожара. Пятнадцать минут, чтобы спуститься по лестнице. Пятнадцать минут, чтобы собраться и начать идти.

Он собирался быстро и методично, как когда-то составлял список к командировкам. В рюкзак легли бутылки с водой, банки консервов и консервный нож. Из шкафчика в ванной взял всё, что могло пригодиться: бинт, упаковку лейкопластырей, пачку спиртовых салфеток.

Он в последний раз вытащил телефон — 38%, сжал его в руке, чувствуя, как гаснет последний, искусственный свет его прошлой жизни, и сунул устройство глубоко в карман. Пора двигаться.

Он вышел из квартиры, плотно и бесшумно прикрыв за собой дверь. Щелчок замка прозвучал в мёртвой тишине подъезда как выстрел. Он замер, затаив дыхание. Тишина. Только гулкий, отдающийся в висках стук его собственного сердца.

Адреналин, державший его на плаву во время побега, на-

чал стремительно отступать, оставляя после себя липкую, тошнотворную слабость. Ноги не держали. Он не мог уйти далеко. Ему нужно было укрытие, но не грязный, вонючий подвал. Не прошло и суток. Мир не успел сгнить.

Он пробрался через арку в соседний двор и вошёл в подъезд трёхэтажного административного здания. На первом этаже, за стеклянной дверью с треснувшим, но не выбитым стеклом, располагалась управляющая компания. Дверь была не заперта.

Внутри пахло дешёвым растворимым кофе, тонером от принтера, бумагой и пылью. Всё ещё было на своих местах: столы, карты района на стенах, кулер с водой в углу. Это была застывшая декорация обычной жизни, прерванной этой ночью. Он запер дверь изнутри на щеколду и сполз по стене на пол.

Только здесь, в относительной безопасности, его тело позволило себе рухнуть.

Он достал из рюкзака банку тушёнки и консервный нож. Открыть её было мучением: пальцы не слушались, металл скрежетал. Запах холодного, застывшего жира в замкнутом пространстве вызвал не аппетит, а спазм в горле. Он ел отрешённо, заглатывая стылую массу, не жуя. Еда казалась на вкус как мокрый картон. Он запил её водой из пластикового стаканчика у кулера, чувствуя, как холодная жидкость тяжёлым камнем падает в пустой, скрученный узлом желудок.

И тогда, когда физический голод был на секунду заглу-

шен, плотина прорвалась.

Это был уродливый, тихий, разрушительный срыв. Его тело согнулось пополам. Из горла вырвался сдавленный, хрипящий звук. Он вцепился зубами в собственный рукав, чтобы не закричать, чтобы не привлечь внимание того, что бродило за стенами. Плечи дёргались в конвульсиях. По щекам текли не слёзы, а какая-то горячая, едкая влага, жгущая кожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.